На тиражирование наложен запрет

Десять лет назад в итальянском городе Понтедере открылся Центр Ежи Гротовского. Для публики он не открылся и по сей день – гениальный польский режиссер ведет работу, которая предназначается не для показывания зрителям, а для чего-то другого. Для чего?

«С искусством как средством передвижения мы – только один край длинной цепи, и этот край должен оставаться в контакте – тем или иным образом – с другим краем, которым является искусство как представление», – говорит режиссер. «Искусством как средством передвижения» работу в Понтедере однажды назвал Питер Брук; выражение прижилось и стало в лексиконе Гротовского одним из основных понятий.

Толковать его мне явно не под силу: все, что я знаю, каждый может прочесть в статье самого Гротовского, переведенной и опубликованной («Московский наблюдатель», май-95). Кроме того, я искренне боюсь, что чего-то не понял: если действительно «средство передвижения», то – куда? Впрямую об этом не сказано ни слова. Если важно лишь ехать и ехать, самосовершенствуясь в пути (опять же: что значит «совершенство»?) – практика Гротовского в Понтедере выглядит как нечто среднее меж мистицизмом и туризмом.

Конечно же, цель есть, должна быть. Вероятно, ее нельзя обозначить словами.

Все, что можно увидеть за пределами Понтедере, – это фильм Мерседес Грегори, снятый в 1989 году. Тридцати с чем-то-летней Томас Ричардс – любимый ученик и сподвижник Гротовского, понемногу становящийся преемником, показал его на прошлой неделе в «Школе драматического искусства» у Анатолия Васильева. Копии он, конечно же, не оставил: на тиражирование наложен запрет.

Грегори восемь дней подряд двумя камерами с разных точек снимала акцию группы Ричардса: сорокаминутное действие, в котором участвуют пять человек, и подготовку к нему. Это единственный за десять лет случай, когда Гротовский решил документально зафиксировать одну из работ Центра – начатую стадию жизни в искусстве. Судя по отсутствию новых документов, эта стадия еще не пройдена.

В акции Ричардса и его группы нет ни диалога, ни сюжета, ни персонажей. У нее нет даже названия. Ее участники поют песни, пытаются угадать и воскресить звучание древней обрядовой поэзии Египта, Израиля, Греции и Сирии – стран, которые Гротовский называет «колыбелью» Запада (всегда ставя слово в кавычки). Путь к «колыбельной» прокладывается на ощупь – через традиции африканских племен, через танцы и жесты народов Карибского бассейна. Как распознаются следы, ведущие в правильном направлении, я не знаю.

Иногда при пении возникает тень «характера» или «поступка» в привычном театральном смысле, но чаще действия участников напоминают архаический обряд. В начале акции воскуриваются какие-то благовония, и, взяв примитивное кадило, один из членов группы кружится с ним в центре зала; в конце вся пятерка застывает на коленях перед столом с зажженной свечой.

Общая Газ. - 1996. - 25 мая. - с. 11